

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2017.1.2

Ф. М. Достоевский: русская идея и русский социализм

А. А. ГОРЕЛОВ

Институт философии Российской академии наук

В статье обсуждается введенное Ф. М. Достоевским понятие русской идеи и значение размышлений писателя о русском социализме. Русская идея как братское единение людей должна была, по мысли Достоевского, преодолеть разрыв между простым народом и образованными слоями населения и обеспечить общественное согласие. Но она имела и всемирно-историческое значение в качестве ненасильственного способа объединения всех жителей планеты на основе русского социализма как братства народов во Христе.

Достоевский противопоставлял русский социализм французскому утопическому социализму, возникшему на основе идей Великой французской революции, атеистическому социализму, и немецкому протестантскому социализму, который объединялся им с французским под общим названием европейского социализма. Прослеживается аналогия между развитием русской идеи и обстоятельствами жизни самого писателя. Православие как первая модификация русской идеи было отправной точкой и для становления личности самого Достоевского. Увлечение писателя в молодости утопическим социализмом соответствовало второй модификации русской идеи.

Впоследствии в процессе мучительных размышлений о судьбе России Достоевский сформировал свой личный духовный синтез, преодолевший его внутреннюю расщепленность, — соединение православия с социалистическими идеями, которое он назвал русским социализмом. Писатель рассматривал его в качестве наилучшей формы развития русской и глобальной цивилизации.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; русская идея; русский социализм; европейский социализм; русская революция; русская цивилизация

ВВЕДЕНИЕ

Многие жители современной России задают себе вопросы о том, каковы цели развития нашего общества; что наше государство должно построить и чего достичь; насколько наши планы должны соответствовать традициям русской цивилизации и ее духу. К настоящему моменту стало очевидно, что либеральная идеология оказалась несостоятельна в России и ведет ее в пропасть. В сегодняшних исканиях мы обращаемся к русским мыслителям, которые думали над проблемами, занимающими и нас, и надеемся на их помощь.

В нынешних многообразных поисках национальной идеи России не обойтись в числе прочих без гениального писателя и величайшего мыслителя XIX в. Ф. М. Достоев-

ского. Хотя бы потому, что именно он впервые употребил словосочетание «русская идея». Федор Михайлович полагал, что «...без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация» (Достоевский, 1994: 389). Еще вопрос (и он философский): идея ли существует для нации или нация — для идеи, являясь способом ее реализации? Так или иначе, но если нет народа, то нет идеи. Столь же верно и обратное: нет идеи — нет народа. Национальная идея — это идеал нации (слово «идеал» произошло от слова «идея»), нравственно-идеологический ориентир, следующий из народного духа.

Духовный путь нации — это путь осуществления ее основной идеи. Страна способна играть великую роль в мире до тех пор, пока большинство ее населения или, по крайней мере, деятельные люди вдохновлены великой идеей, преобразующей мир. Данная идея может воплощаться в жизнь или нет, быть близка или далека от реальности, истинна или ложна, но она должна быть, так как этого требует разумная природа человека. Это относится ко всем великим нациям, но в особенности к таким, как русская, для которых материальное преуспевание никогда не было главной целью, а вечные духовные вопросы томили всегда.

Легко согласиться с поэтом, что умом Россию не понять, но специфика мышления заключается именно в осмыслении жизни нации. Если не суждено полностью понять духовный путь России, то можно хотя бы проследить его историю и, исходя из этого, сделать предположительные выводы о возможном будущем.

РУССКАЯ ИДЕЯ КАК КУЛЬТУРНАЯ СИСТЕМА

Национальная идея проистекает из души народа. «Сущность всякой национальности состоит в ее *субстанции*, — писал В. Г. Белинский, с которым Достоевский познакомился в самом начале своей литературной деятельности и который имел в тот период на него большое влияние, пребывая властителем дум молодого поколения. — Субстанция есть то непреходимое и вечное в духе народа, которое, само не изменяясь, выдерживает все изменения, целостно и невредимо проходит чрез все фазисы исторического развития. Это зерно, в котором заключается всякая возможность будущего развития. <...> Каждый народ имеет свою субстанцию, как и каждый человек, и в субстанции народа заключается вся его история и его различие от других народов» (Белинский, 1992: 77; здесь и далее курсивы источников. — А. Г.). Рассмотрев идеологически крайние взгляды, разделенные огромным промежутком времени, можно эту субстанцию выделить и сформулировать.

Из вечной субстанции формируется конкретная культурная система, называемая национальной идеей. Русские философы отмечали связь национальной идеи с развитием мира в целом и с предназначением народа в мире. Национальная идея Московского государства, Российской империи, Советского Союза была русской по имени государствообразующей нации, и она определяла развитие русского (российского) государства. Она возникла почти на тысячу лет раньше, чем Достоевский ввел в употребление словосочетание «*русская идея*». «Ее возраст есть возраст самой России», — писал И. А. Ильин (Ильин, 1993: 431). Истоки русской идеи можно проследить уже в религиозно-философском произведении, созданном на Руси в середине XI в., — «Слове о законе и благодати» первого митрополита из русских Илариона. Но кто-то должен был первым назвать ее своим именем.

То, что это оказался именно Достоевский, связано с обстоятельствами личной судьбы будущего знаменитого писателя. Еще в молодости начинающий сочинитель стал посещать кружок, образованный М. В. Петрашевским, в котором обсуждались

в числе прочих проблемы, поднятые модным в то время утопическим социализмом. Вскоре в Европе грянула революция 1848 г., и члены кружка были арестованы, а некоторые из них, в том числе Федор Михайлович, приговорены к смертной казни, которую заменили каторжными работами с последующим поселением в Сибири. На каторге Достоевский впервые и не по своей воле близко соприкоснулся с простым народом и ужаснулся пропасти между ним и образованными классами. Причину ее Федор Михайлович нашел в реформах Петра I, которые разъединили народ и образованное сословие, начавшее жить отдельно от народа «своей собственной, особенной и самостоятельной жизнью» (Ф. М. Достоевский об искусстве, 1973: 524). Такое понимание роли Петровских реформ соответствует их характеристике, данной в XX в. знаменитым немецким культурологом О. Шпенглером как *псевдоморфоза*, который затруднил самодостойное развитие русской цивилизации.

Достоевский поставил задачу преодоления разрыва между интеллигенцией и народом и сформулировал *концепцию почвенничества*, под которым понимал укорененность элиты в народе. Соединить различные сословия общества призвана, по Федору Михайловичу, русская идея. Для понимания самого названия, данного Достоевским, важно то различие, которое он проводил между Россией и западными странами. «Не вражда сословий, победителей и побежденных, как везде в Европе, должна лечь в основание развития будущих начал нашей жизни. Мы не Европа, и у нас не будет и не должно быть победителей и побежденных» (там же: 524). Думать так Достоевский мог, сравнивая события XIX в. в России и Европе. В Европе в конце XVIII в. произошла Великая французская революция, последствием которой были наполеоновские войны, затем революции в середине XIX в., Парижская коммуна 1871 г. и тому подобное. В то же время ситуация в России была довольно спокойной, если не считать выступления декабристов в 1825 г. в период междуцарствия. Конечно, оппоненты Достоевского сейчас могут вспомнить и Гражданскую войну после Октябрьского переворота 1917 г., и последовавшие за ней репрессии, но Достоевский мог бы в свое оправдание указать на то, что положение России было осложнено псевдоморфозом русской цивилизации, и не все зависело на практике от самой русской идеи.

Важно иметь в виду особенности времени, в которое было предложено понятие русской идеи. Достоевский вернулся в Петербург в 1859 г., когда в правительственных кругах готовилась и вскоре была осуществлена реформа по освобождению крестьян от крепостной зависимости. В обществе существовало брожение, обострилась борьба мнений, и на эту взрыхленную землю упало зерно русской идеи. Ее надо рассматривать в контексте концепции почвенничества как скрепу, призванную объединить народ и интеллигенцию. Русская идея имела, по мысли Достоевского, смыслообразующее значение для русского мира.

Достоевский первоначально оценил Крестьянскую реформу очень высоко. Он писал, что правительство наполовину засыпало ров между народом и образованными классами, и теперь уже задачей самого общества становится ликвидировать его вторую половину с помощью образования и просвещения. Позже автор «Дневника писателя» — журнала одного автора, принесшего ему «среди современников славу учителя и наставника, провидца и пророка» (Достоевский, 2007: 4), — стал оценивать реформу 1861 г. более критично. Писатель считал, что она не решила главную для преимущественно сельскохозяйственной страны земельную проблему, не наделив крестьян в должной мере землей, отчего и проистекали негативные последствия, которые проявились в пореформенное время.

Насколько концепция почвенничества и ее производная — русская идея — соответствовали веяниям эпохи? Достоевский был не одинок в своих мечтаниях. Брожение в обществе, особенно в кругах интеллигентной студенческой молодежи, привело вскоре к феномену «хождения в народ» с целью просвещения крестьянской массы и разделения с нею ее тягот. Впрочем, оно частично сменилось через несколько лет народовольческим террором.

Критикуя Петровские реформы, Достоевский отмечал и ее положительную сторону. Она раздвинула наш кругозор, «через нее мы осмыслили будущее значение наше в великой семье всех народов» (там же: 525–526). Благодаря приближению к Европе стало понятно, что особенности нашей цивилизации имеют, говоря современным языком, глобальное значение. Способность отрешиться на время от собственной почвы, «чтоб трезвее и беспристрастнее взглянуть на себя, есть уже сама по себе признак величайшей особенности» (там же: 526).

На этом фоне и прозвучало первое упоминание о русской идее. «Мы знаем, — писал Федор Михайлович в «Объявлении о подписке на журнал “Время” на 1861 г.», — что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что *русская идея*, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях» (Ф. М. Достоевский об искусстве, 1973: 526).

Свойством русской идеи Достоевский называет ее синтетический характер. Здесь приоткрывается суть русской идеи, которая позже войдет в ее определение. В русском народе, пишет Федор Михайлович, «выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности» (цит. по: Зеньковский, 1992: 346). Русский человек «сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы, <...> у него инстинкт общечеловечности» (там же). То, в какие культурные формы преобразуется данный инстинкт, нельзя определить заранее. В идеале он способен помочь не только внутринациональному, но и всечеловеческому единению, поскольку русская идея в принципе пригодна не только для внутреннего пользования, но и для решения мировых социальных проблем. В вырожденном же псевдоморфозе данный инстинкт может предстать «смесью французского с нижегородским».

Впоследствии Достоевский разовьет свои представления о русской идее и в речи о Пушкине в 1880 г. скажет о «всемирной отзывчивости» русского человека, который может быть наиболее способен из всех народов вместить в себя идею человеческого единения и братской любви.

Русская идея, согласно Достоевскому, в отличие от европейских во всех их разновидностях, исходит из особенностей русского национального характера, из того братского начала, которое в нем есть и которого нет в западном человеке (Достоевский, 1989: 430). Можно при желании свести это различие к старой дилемме европейского индивидуализма и русского коллективизма.

Актуальность русской идеи, по Достоевскому, объясняется тем, что раздор от сил зла и «обособление» есть бедствие современного человечества. «Повторяю, тут плачевное наше обособление, наше неведение народа, наш разрыв с национальностью, а во главе всего — слабое, ничтожное понятие о православии» (Достоевский, 1994: 114).

Зерно русской идеи, брошенное Достоевским, упало на благодатную почву. Растение прижилось и дало плодотворные всходы. Впервые философское обоснование

русской идеи дал В. С. Соловьев. 13 мая 1888 г. он выступил в Париже с лекцией «Русская идея». В том же году в Париже вышла брошюра на французском языке под названием «Русская идея» (на русском языке впервые опубликована в Москве в 1911 г.). Это первое произведение под таким названием.

«Беспольный в глазах некоторых, слишком смелый по мнению других, этот вопрос в действительности является самым важным из всех для русского, да и вне России он не может показаться лишенным интереса для всякого серьезно мыслящего человека. Я имею в виду вопрос о *смысле существования России* во всемирной истории», — писал в «Русской идее» В. С. Соловьев (Соловьев, 1989: 219). Основные мысли его работы таковы:

1. Истинная национальная идея — это образ бытия нации в вечной мысли Бога.
2. Смысл существования наций лежит не в них самих, но в человечестве.
3. Россия сохранила оригинальность в течение многих веков, значит, есть идеальный принцип, ответственный за это, — русская идея.
4. Реализация своей национальной идеи — нравственный долг нации. Если нация не выполняет его, она уходит в небытие.
5. История показывает, как высоко, если она не хочет упасть, должна ставить свою цель страна.
6. Русская идея основана на равенстве и братстве всех народов.
7. В его осуществлении и есть смысл существования России.

В основе русской национальной идеи лежат понятия совести, справедливости, внутренней свободы личности. Это позволяет сделать вывод, что русское мировоззрение зиждется скорее на религиозно-нравственных, чем на экономических, политических или правовых представлениях.

«Где обретается русская идея?» — задает вопрос И. А. Ильин и отвечает: «Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца» (Ильин, 1993: 420). Имеется в виду, конечно, не сердце как физический орган или как нечто, противоположное уму, а сердце как средоточие человека, единство ума и чувств, духа и души, интеллектуальных и нравственных характеристик человека. Русская идея проистекает из единства понимания происходящего в мире и переживания за мир. Если нет этого единства — нет воплощения русской идеи в жизнь. Данное единство присуще выдающимся русским мыслителям. «Для меня думать и чувствовать, понимать и страдать — одно и то же», — писал В. Г. Белинский в одном из писем В. П. Боткину 1841 г. (Белинский, 1956: 23). Можно сказать, что, если у человека нет сердца, он не поймет русской идеи.

Достоевский неоднократно подчеркивал, что понимает русскую идею именно как народный идеал. Писатель выдвигает аксиому: «Чтоб судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, <...> надо брать в соображение лишь ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придет тому срок» (Достоевский, 2007: 15). Лучшие интеллигенты заимствовали у народа «его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие» (Достоевский, 1994: 49).

Русская идея Достоевского оказалась столь плодотворной, что обсуждается уже более 150 лет и служит предметом жарких дискуссий. В 1946 г. вышла первая книга под таким названием (опять-таки в Париже), принадлежащая перу русского философа Н. А. Бердяева. Последний считал XIX в. наиболее характеризующим русскую идею и русское призвание. Это идет от признания им двойственности и поляризованности в качестве основных черт русского народа. В отличие от В. С. Соловьева, который ограничил русскую идею одним качеством, Н. А. Бердяев включил в нее слишком

много, в том числе все, что было результатом расщепления русской идеи, так что она стала расплываться и терять очертания. Говоря о русских исканиях на социальную тему в XIX в., Бердяев приходит к выводу, что в это время в России вынашивалась идея братства людей и народов в отрыве от христианства, которое было ее истоком.

Ильин в 1951 г. отмечал: «Русская идея есть нечто *живое, простое и творческое*. Россия жила ею во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях. Об этой идее мы можем сказать: так было, и когда так бывало, то осуществлялось прекрасное <...>. Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только русской, национальной. Она должна выражать русское историческое своеобразие и в то же время — русское историческое призвание. Эта идея формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благую силу, в чем он прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов» (Ильин, 1993: 419). Отечественному философу вторят зарубежные исследователи. «Русская национальная идея: спасение человечества придет из России. Это самая глубокая и самая широкая национальная идея из всех, имеющих у других народов <...>. Русские непроизвольно связывают политические проблемы и задачи с последними выводами человеческого бытия. В судьбе своего собственного народа они не увидели бы никакого смысла, если бы этим одновременно не раскрывался для них смысл судеб всего мира» (Шубарт, 2003: 114, 242).

Подытоживая вышеизложенное, можно сказать, что идеальный принцип, движущий Россией, — это принцип спасения и счастья для всех людей, отвергающий претензии на национальную исключительность. Русская идея основана на вере в возможность наступления идеального царства Божия (в том числе и без Бога) и готовности пожертвовать собой для этого. В целом мы формулируем так: *русская идея — это определяемая русским национальным характером, сердцем русского человека, оформленная в культуре уникальная синтетическая концепция пути развития русской цивилизации, имеющего целью всеобщее спасение, братскую любовь и счастье всех людей*.

ПЕРВАЯ МОДИФИКАЦИЯ РУССКОЙ ИДЕИ

За время своего существования русская идея прошла два этапа — православный и советский. Первая модификация русской идеи связана главным образом с христианством, не имеющим «ни иудея, ни эллина», т. е. для которого все люди равны, и христианское спасение, по словам митрополита Илариона, щедро и благобно растекается на все земли. Говоря о значении православия в жизни русского народа, Достоевский пишет в «Дневнике писателя»: «*В сущности* в народе нашем кроме этой “идеи” и нет никакой, и все из нее одной и исходит, по крайней мере, народ наш так хочет, всем сердцем своим и глубоким убеждением своим» (Достоевский, 2007: 460). Сопоставим это утверждение с обстоятельствами жизни самого писателя. «Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор, как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть ли не с первого детства. <...> Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным» (Ф. М. Достоевский об искусстве, 1973: 242). Налицо связь между православной основой русской идеи и детством будущего ее проповедника.

В историческом плане впервые о русской идее можно говорить в связи с созданием монахом Филофеем в первой половине XVI в. концепции Москвы как Третьего Ри-

ма. Она идеологически помогла становлению великого государства Российского, но суть ее была бы неправильно понята, если бы свелась только к созданию русской империи. Последнее было средством, целью же — сообщение всему человечеству света православного христианства в его русском понимании.

Православие было выбрано князем Владимиром потому, что отвечало фундаментальным особенностям русского национального характера и давало надежду на обретение благодати, столь ценимой на Руси. Жертвенность подвига Христа и вселенский характер христианства тоже имели здесь немалое значение. Что касается религиозности русской идеи, то «самый характер русских и вообще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую ответственность с христианским идеалом», — подчеркивал Н. Я. Данилевский (Данилевский, 1991: 480). «У русского народа целый ряд христианских добродетелей является устойчивыми национальными добродетелями — христианство как бы врождено славянской душе», — подтверждает В. Шубарт (Шубарт, 2003: 414).

Не следует, впрочем, думать, что православие подошло к особенностям русского характера как один к одному. Оно ближе русскому, чем другие конфессии, но оказалось весьма сильно пропитано языческими переживаниями. Наше православие не византийское, а русское, компромисс между славянским язычеством и византийским христианством.

Нечеловеческих сил стоило православным подвижникам и русским первопроходцам духовное и материальное освоение огромного пространства. Они оказались способны это осуществить, а государство использовало их труды и включало новые оправославленные земли в свой состав. Лучшие здания на Руси — церкви, и не для себя строились они, а для Бога. И нес верующий в церковь последнюю копейку. Русское православие оказалось способным объединить население России и дало возможность преодолеть Смутное время начала XVII в. К. Минин и Д. Пожарский боролись не только за освобождение Родины, но и за спасение от иноверцев латинян.

Идея «Третьего Рима» выражала вселенский характер русского православия. В 1453 г. пал Константинополь и «померкло солнце благочестия». Вскоре Русь свергла монгольское иго, и центр православия переместился в Москву, что зафиксировано в концепции «Москвы — Третьего Рима». Это религиозная, а не политическая концепция, но из нее были сделаны и политические выводы.

Именно потому, что русская идея в ее первой модификации, по существу, совпадала с христианской идеей, и утвердилось название «Святая Русь», понимать ли его как совершенно конкретную, мистически реальную святыню народа и его духовного бытия или, в характеристике В. В. Зеньковского, как «скрытую в ней ее зиждущую силу, ее идеал и путь» (Зеньковский, 1992: 345).

Идеологема Москвы как Третьего Рима определила маршруты русского православного подвижничества, а также путь русского государства. То, что «четвертому Риму не бывать», означает веру в достижение полноты истины, хранимой в Московском государстве. Отметим три основные черты первой модификации русской идеи: 1) несокрушимая вера в истинность христианской религии именно в ее православном варианте, 2) стремление сообщить свет этой веры всему миру, 3) мессианское убеждение, что России это удастся. Эта вера в глобальную миссию России «изречь окончательное слово великой, общей гармонии братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону» (Ф. М. Достоевский об искусстве, 1973: 369) и способствовала созданию великого русского государства.

Первую трещину в русское православие, вдохновленное верой в свое призвание, внес церковный раскол XVII в., а ощутимый удар ему нанес Петр I не столько ориентацией своей политики на Запад, сколько тем унижением, которому подверглось национальное в угоду западному. Раскол, ослабивший духовную мощь церкви, помог Петру. Проникновение западного просвещения ослабляло русское православие, и в первой половине XIX в. произошел светский раскол общества на западников и славянофилов. В нем отразилась та же специфика русской души — вера в особое предназначение России и стремление обеспечить счастье для всех, пусть даже в ущерб своей нации и крайним напряжением сил.

Н. А. Бердяев подчеркивал, что одно из отличий русского православия в том, что оно сосредоточено на эсхатологии, на стремлении к Царству Божию. Е. Н. Трубецкой считал, что не следует отождествлять русскую идею с одной из ее конкретных форм — православием, как делали славянофилы, хотя именно в стремлении русского православия к идеалу причина этого смещения. Заявив о крахе мессианства христианского, Е. Н. Трубецкой недооценил того, что национальный дух скорее откажется от своей формы, чем от сущностных черт. И вот мессианство воспрянуло в новом виде, который Евгений Николаевич, делая в 1912 г. доклад «Старый и новый мессионизм», не заметил, — воспрянуло в виде всемирной миссии русского пролетариата.

В. С. Соловьев писал, что «русская идея, мы знаем это, не может быть ничем иным, как некоторым определенным аспектом идеи христианской» (Соловьев, 1989: 239). Теперь мы понимаем, что русская идея могла стать атеистической идеей построения рая на земле без Бога. Основа русской идеи не в конкретном конфессиональном содержании, а в ее соответствии структурно-экзистенциальным особенностям русского национального характера: вере в возможность обеспечения всеобщего счастья (в этом проявляется «всемирная отзывчивость» русской души); убежденности, что принесет его всему миру Россия (мессионизм) в кратчайший срок (максимализм), и готовности к невероятным усилиям для достижения этого (самопожертвование).

ВТОРАЯ МОДИФИКАЦИЯ РУССКОЙ ИДЕИ

Книга Н. А. Бердяева «Русская идея» стала крупным событием в осмыслении русской идеи в XX в. Напомним, что Бердяев — противник советской власти, высланный в 1922 г. из России. Тем не менее он оценил коммунистический режим как продолжение русской идеи и неоднократно проводил параллели между дореволюционной Россией и Советским Союзом, основываясь на мнении Достоевского, который писал, что коммунизм произошел из христианства, из высокого воззрения на человека, и требования коммунизма реальны и истинны.

Для того чтобы понять, как в принципе возможен социализм и как он связан с религиозными воззрениями, следует обратиться к поздним сочинениям Достоевского. В последний период своей жизни автор «Дневника писателя» обращается к оценке идейных увлечений молодости, которые вполне следовали духу эпохи. Когда Достоевский пишет, что «в половине текущего столетия некоторые из нас удостоились приобщиться к французскому социализму» (Достоевский, 2007: 23) и «утратили всякое понимание о том, до какой степени такое учение разнится с душой русского народа» (там же: 24), то не имеет ли он в виду себя? Переосмысливая прошлое, Достоевский называет кружок петрашевцев «преступным обществом» и, стало быть, считает свое увлечение французским утопическим социализмом, за которое он был отправлен на каторгу, и деяния всех, кто шел этим путем, преступлением.

В отличие от К. Маркса, который считал, что главные общественно-экономические формации не имеют национального «лица», Достоевский, называя социализм, которым он увлекся, французским, полагал, что эта общественно-экономическая формация имеет национальную специфику. Кто прав в этом споре? В XIX в. социалистическая формация еще не существовала в качестве реального общественного строя, и разрешить данный спор было невозможно. В XX в., когда социализм стал действительностью, можно сказать, что его национальная специфика проявилась. Например, в Германии осуществился вариант фашизма, который получил название национал-социализма, но он почти ничего не имел общего с социализмом, построенным в СССР.

Так как, по Достоевскому, в основе социального строя лежат религиозные убеждения, то от того, каковы они в данной стране, зависит и характер общественно-экономической формации. В Европе социализм породило католичество. Но европейский социализм решает судьбы человечества «уже не по Христу, а вне Бога и вне Христа, и должен был зародиться в Европе естественно взамен упавшего христианского в ней начала» (там же: 341). Западная идеология, соединившись с языческой идеей Римской империи, изменила христианству. Римским папством было провозглашено, что христианская идея не осуществима без всемирного владения католической церковью — не духовного, а государственного, — землями и народами. В художественной форме эти католические претензии Достоевский выразил в «Легенде о великом инквизиторе».

Федор Михайлович пишет о национальных разновидностях социализма, вытекающих из особенностей тех религиозных конфессий, которые преобладают в данных странах. Например, во Франции есть «развившийся из идей 89 года свой особенный французский социализм, то есть успокоение и устройство человеческого общества уже без Христа и вне Христа» (там же: 7) — атеистический социализм, стремящийся утвердиться насильственным путем. Великая французская революция, подорвавшая престиж духовенства, провозгласила идеи свободы, равенства и братства, но реальная власть перешла к буржуазии, а идеи единения людей на основе всеобщего равенства и участия всех и каждого в пользовании благами мира воплотились в социалистическое учение.

Отличающаяся от французского, но близкая ему по духу германская протестантская национальная идея социализма объединяется Достоевским с французским социализмом под общим названием европейского социализма, который, вобрав в себя новые социальные веяния, утерял религиозную суть, став антитезисом христианства. При этом европейский социализм строится по католическому деспотическому шаблону, что неизбежно ведет к грядущим войнам. Можно сказать, что Достоевский предрекал Первую мировую войну и даже распад Австрийской империи.

«Национализация» социализма дала возможность писателю выдвинуть представление о русском социализме. По Достоевскому, русский социализм также вытекает не столько из предшествующей ему общественно-экономической формации — капитализма, сколько из христианства, но в православном варианте, придающем ему особую специфику. Русский социализм Достоевского представляет собой двойное соответствие: традициям православия и новым социально-политическим веяниям эпохи. «Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово. <...> Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского; он ве-

рит, что спасется лишь в конце концов *всесветным объединением во имя Христово*. Вот наш русский социализм!» (там же: 461).

Определение Достоевским русского социализма как всеобщего братства во Христе совпадает по сути с определением русской идеи. Также здесь открывается связь русского социализма с концепцией Москвы как Третьего Рима. «Древний Рим первый родил идею всемирного единения людей», которая превратилась с победой христианства в «идеал всемирного же единения во Христе» (там же: 166). Москва предстает Третьим Римом, но в православно-социалистической оболочке. Это и есть то новое слово, которое пронесется с Востока «навстречу грядущему социализму, который, может быть, вновь спасет европейское человечество» (там же: 342). Идея «трех социализмов» Достоевского — это аналог трех современных идеологий — капиталистической, националистической и коммунистической.

По мнению Бердяева, Достоевскому «принадлежат самые глубокие мысли о социализме, которые когда-либо были высказаны» (Бердяев, 1994: 89). Написанное Достоевским о русском социализме не следует понимать как его отход от православия к социалистическим убеждениям. Самую основу последних писатель увидел в христианских заповедях и закономерно перешел от них к представлению о русском социализме. Как и в молодые годы, он за социализм, но за русский, который, как теперь понимает Федор Михайлович, принципиально отличается от европейского.

Своей концепцией почвенничества Достоевский заложил основы идеологического единства нации. Осуществить это призвана русская идея, которая имеет и всемирно-историческое значение, благодаря вселенскости, всечеловечности русского народа. Политической формой, призванной установить идеологическое единство русской нации и всемирное братство, служит, по Достоевскому, *русская партия*. Таким образом, концепция Достоевского содержит в себе три части: исходную идеологическую — русскую идею, политическое продолжение ее — русскую партию и, наконец, организационное завершение — русский социализм. В данной концепции писатель соединил свою сформировавшуюся на каторге почвенническую позицию с предыдущими социалистическими представлениями, и все это наложилось на его изначальные православные верования. В этом три источника и три составные части концепции Достоевского.

Представление о русском социализме Достоевский изложил в январском — первом и последнем — выпуске «Дневника писателя» за 1881 г., который вышел в свет уже после смерти Федора Михайловича. Можно сказать, что это стало общественно-политическим завещанием Достоевского. Любопытная параллель: А. Н. Толстой, который после смерти Достоевского понял, по его словам, что это был самый близкий для него человек, также вплотную заинтересовался социализмом перед уходом из Ясной Поляны и даже уже после ухода просил прислать ему книги на эту тему.

Достоевский заложил основы православного русского социализма, который потом развивали С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев и через 100 лет Г. М. Шиманов. Бердяев полагал, что «социализм глубоко вкоренен в русской природе» (Бердяев, 1990: 129). Но оказались ли идеи Достоевского и его последователей о русском социализме близки к практике социального развития России? И да, и нет. Идеи социализма, вдохновленные жаждой правды и справедливости, все в большей степени распространялись в русском обществе, тогда как национальные интересы и соображения отступали на второй план. Превалирование социальных проблем над национальными раскалывало русское общество и привело к революции 1917 г. Ее лозунги скорее

совпадали не с русским, как его понимал Достоевский, а с европейским социализмом, хотя тоже не вполне. Здесь опять приходит на ум строчка о «смеси французского с нижегородским». Реальный социализм во многом оказался следствием того псевдоморфоза русской цивилизации, о котором писал О. Шпенглер. Великая Октябрьская социалистическая революция — это негативная реакция на ускорившееся движение России по капиталистическому пути, следствие неприятия капитализма широкими слоями общества. Революция, однако, отменила не сам псевдоморфоз, а его прежнюю форму. Капиталистический псевдоморфоз сменился социалистическим.

Говоря об истоках русской революции, Бердяев писал: «Русский атеизм родился из сострадания, из невозможности перенести зло мира, зло истории и цивилизации» (там же: 119) (сравни со словами Достоевского: «Бунтующие против христианства тоже суть Христова лика» (там же: 221)). «В России революция могла быть только социалистической», — заключает Бердяев (там же: 263).

Как первая модификация русской идеи была синтезом православия и традиционных славянских представлений о мире (не только как о планете и космосе, но и как о общине), так вторая модификация была синтезом русской идеи с марксизмом. На смену русскому православию пришел русский коммунизм, который оказался далек от того, каким видел русский социализм «пророк русской революции» Достоевский.

Организаторы Октябрьского переворота в соответствии с Марксовым представлением полагали, что социализм, как и капитализм, не имеет национального «лица». Они рассматривали Россию как наиболее слабое звено в цепи капиталистических государств, прорыв которого приведет к мировой революции. Довольно скоро выяснилось, что мировой революции ждать не приходится, и тогда вынужденно была принята установка на строительство социализма в одной отдельно взятой стране. Создавался этот социализм по канонам, которые характерны, с точки зрения Достоевского, для европейского социализма — атеистическим, деспотическим, государственно-бюрократическим. При этом отдельные элементы социализма — бесплатное здравоохранение и образование, право на труд и на отдых и т. п. — воплощались в жизнь, а культурная революция дала возможность благодаря ликвидации неграмотности во многом преодолеть тот разрыв между народом и интеллигенцией, о котором печалился Достоевский. Все большее число советских людей приобщалось к социалистическому строительству.

С самого начала существования нового советского государства три идеи были для него главными: 1) ликвидация эксплуатации человека человеком; 2) равноправное существование народов в едином федеральном государстве; 3) глобальное переустройство мира. В соответствии с первой идеей проведена национализация капиталистических предприятий и земли и ликвидирован класс буржуазии. В соответствии со второй идеей создано государство на федеративной основе с неизвестным доселе правом субъектов федерации на отделение. В соответствии с третьей идеей в своей внешней политике СССР предпринял попытку возглавить поход всего остального мира против Запада как столпа колониализма. Попытка почти удалась, особенно в тех странах, которые хотели встать на социалистический путь развития. А. Тойнби признавал, что «роль России в истории — служить лидером в общемировом движении сопротивления общемировой современной агрессии Запада» (Тойнби, 2006: 142). Именно становление СССР как сверхдержавы стимулировало падение колониальной системы.

Революционный миф, по Бердяеву, есть миф хилястический. «Русская революция пробудила и расковала огромные силы русского народа. В этом ее главный смысл. Советская Конституция 1936 г. создала самое лучшее в мире законодательство о собственности. Личная собственность признается, но в форме, не допускающей эксплуатации» (Бердяев, 1990: 265). Проводя связь между первой и второй модификацией русской идеи, Бердяев писал: «Третий Рим представлялся как проявление царского могущества, мощи государства, сложился как Московское царство, потом как империя и, наконец, как Третий Интернационал» (там же: 50).

Вторит Бердяеву и выдающийся социолог П. А. Сорокин, также высланный в 1922 г. из советской России. В статье 1967 г. он пишет: «Установление нового режима позволило советским народам “уловить” некоторые актуальные проблемы, поставленные самой историей. В силу этого советский режим... распространил свое влияние и был воспроизведен многими другими народами, почти половиной человечества. <...> Его цель — создание не только политической, но также экономической и социокультурной демократии; он стремится устранить эксплуатацию и несправедливость гораздо более радикальным образом, чем режимы чисто политической демократии. <...> В настоящее время нерусскому населению даны привилегии свободы и конституционные права, которыми не обладает даже сама русская нация» (Сорокин, 1990: 477, 476, 480).

Коммунистическую этику Сорокин характеризует как этику сотрудничества, бескорыстной помощи и поддержки в борьбе за освобождение человека от оков эксплуатации и угнетения. «По своим основаниям эта “новая этика” является воспроизведением и модификацией вечных и универсальных моральных принципов, провозглашенных всеми великими религиями и этическими системами, включая Нагорную проповедь и заповеди Иисуса» (там же: 488). Слово «модификация», сказанное в отношении к этике коммунизма, я использую для обозначения всей советской эпохи и называю ее второй модификацией русской идеи.

Советский глобальный проект подкреплялся, по словам Панарина, «русским народным подпольем», стоящим за коммунизмом и втайне питавшим его потенциалом скрытой общинности (Панарин, 2006: 243). «Исключительность его (советского народа. — А. Г.) роли не в том, что он выражал нечто, не укладывавшееся в нормы стихийного морального сознания любого народа, а в том, что он позволил этим стихиям вырваться из подполья, преодолеть цензуру либеральной современности, олицетворяемую господствующими силами Запада. Именно совпадение коммунистического этоса советского типа с народным этосом как таковым вызвало величайшую тревогу Запада перед “русским вызовом”» (там же: 245).

Коммунизм постепенно превратился в русскую модификацию марксизма, несущую в себе основные особенности русского национального характера, нашедшие ранее выражение в мессианском православии. О «новом человеке» и о том, что «кто не работает, тот не ест», можно прочесть и в Библии, и в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Как православие должно было по идее господствовать на земле до Страшного суда, так и большевизм — до полного утверждения рая на земле. Коммунистический символ веры соответствовал русскому духу своей тотальностью и тягой к справедливости. Именно в России с ее максимализмом была совершена самая радикальная революция, отрицавшая государство и собственность.

Для того чтобы революция победила, марксизм модифицировался в соответствии с особенностями русского национального характера. Он явился глобальным ответом

эксплуатируемого населения, прежде всего пролетариата (как ставшего главным после великих буржуазных революций эксплуатируемым классом), но не только его, на становление капиталистического общества и победу буржуазии.

В основе большевистского порыва лежало стремление сделать счастливыми людей труда. Но коммунистические власти не увидели родства этой глубинной идеи с христианским миропониманием, с тем, что счастье именно в труде, а не в росте материальных потребностей, не осознали значения духовной жизни человека. Часть населения подпала под влияние Запада, а затем и сами руководители государства, которые предали марксизм буржуазной идеологии вместо того, чтобы следовать христианским идеалам.

Произошло капиталистическое перерождение советской элиты, предопределившее крушение Красной империи. Воспользовавшись недовольством интеллигенции, часть элиты организовала и повела ее за собой. Отдельные представители интеллигенции вошли после капиталистической реставрации в состав правящего слоя, но в целом интеллигенция потерпела историческое поражение, и сама Россия откатилась далеко назад в своем развитии. Три главных следствия переворота 1991 г. — выпадение из второго мира в пятый, демографический «русский крест» и сжимающееся кольцо врагов вокруг России. Она несла свет православия, коммунизма, а в результате попала на торжище, называемое рынком, на котором ей нет места. И если свет, который она несла, не жалея ни себя, ни других, уже никому не нужен, то зачем ей жить? Россия сказала-таки миру новое слово, став Советским Союзом. Но она не выдержала напряжения этого слова, ее элита отказалась от него, и постсоветская Россия упала в небытие на четверть века. Сейчас снова встают перед русской общественной мыслью два ее основных вопроса: «кто виноват?» и «что делать?»

ТРЕТЬЯ МОДИФИКАЦИЯ РУССКОЙ ИДЕИ

Несомненны параллели между церковным расколом XVII в. и нашим временем. В России сейчас тоже раскол, даже два: в обществе и в отношении между властью и народом. Суть второго в том, что населению навязывается представление о главенстве западных ценностей. Народ во многом неосознанно и не всегда внятно сопротивляется давлению сверху, сам распадаясь на враждующие между собой группы.

В. С. Соловьев писал в «Русской идее», что принцип может не осуществиться, потому что народ, как и отдельный человек, имеет свободу воли. Но, как считал Н. Я. Данилевский, неисполнение народом своей национальной идеи (данной от Бога) приводит этот народ к духовной смерти, а потом и к уходу с исторической сцены. Действительно, зачем нужен народ, не осуществляющий идею, ради которой он создан? Это мы и видим: неисполнение идеи и одновременно вымирание народа и инволюцию государства и культуры. Сейчас часто можно слышать: «Да вы посмотрите, до чего дошел народ! Да его и нет уже».

Можно сказать, что современная действительность и русская идея — две вещи несовместные. Национальная идея не может осуществиться в разъединенном народе. Раскол в обществе в интересах Запада, который действует по принципу «Разделяй и властвуй!», — разделяй как политически (разрушение СССР), так и духовно, что предваряет расчленение политическое. Тем не менее русский народ продолжает существовать, и вопрос «как ему жить?» сохраняет актуальность. Если забудут русскую идею, то не будет и России как духовно-социального образования.

Новая русская идея будет структурной модификацией все того же желания осчастливить мир. Отдельные глобальные проекты погибают, но стремление к благодати, заложенное в структуре русского национального характера, остается. Ему нужна новая идея, не столь приземленная, как идеи потребительства, капитализма или национальной исключительности. Мы должны не восстанавливать какую-то из двух прежних модификаций русской идеи, а создавать третью модификацию, которая соединила бы в себе все лучшее, что было в первых двух.

Для формулирования третьей модификации русской идеи вспомним о предыдущих двух и применим к ним гегелевский закон отрицания отрицания, в соответствии с которым в развитии сохраняется все лучшее, что было на предшествующих стадиях. Ее можно применить и здесь. Отличительной чертой православной модификации русской идеи был приоритет духовного. В советской модификации имел место приоритет социальной справедливости. Соединение этих основных черт может привести к тому, что третьей модификацией русской идеи станет создание *духовно-социального строя*, основанного на синтезе духовности и социальности.

Какая духовность имеется в виду? Религиозная (недаром духовность в узком смысле отождествляется с религиозностью) — православная для большинства населения, но также и мусульманская для регионов, в которых преобладает ислам, и буддийская, последователи которой живут в некоторых районах РФ. Но духовность не сводится к религиозности, а включает в себя все отрасли духовной культуры. Приоритет духовных ценностей противостоит ценностям общества потребления и особенно важен в эпоху экологического кризиса, поскольку сдерживает материальные потребности людей, могущие в принципе расти до бесконечности (в то время как возможности их удовлетворения биосферой конечны), и ориентирует на разумный аскетизм и самодисциплину.

Под социальностью имеется в виду достижение достаточно высокого уровня единства людей, что невозможно без ликвидации нынешнего чудовищного экономического и политического расслоения. В более широком плане речь идет о социальной справедливости, которая еще в Античности почиталась главной добродетелью. Конечно, люди не равны, и различия не могут не иметь места в обществе. Но государство должно держать их в разумных пределах, определяемых пользой для всех членов социума.

Как соединяются между собой два компонента единой системы — духовность и социальность? Социальное единство вдохновляется справедливостью как нравственной нормой (справедливостью как внутренней — в пределах данной страны, так и внешней — во взаимодействии между странами, вплоть до глобальной справедливости), но высшая цель общества духовна (в широком смысле слова).

Достоевскому удалось соединить две, казалось бы, противоположные как тезис и антитезис идеи — русское православие и социализм — и получить синтез в виде русского социализма. Это соединение православной духовности с социализмом и может быть названо третьей модификацией русской идеи. «Коммунизм, — по Бердяеву, — должен быть преодолен, а не уничтожен. В высшую стадию, которая наступит после коммунизма, должна войти и правда коммунизма, но освобожденная от лжи» (Бердяев, 1990: 265).

В третью модификацию русской идеи необходимо включить все лучшее, что было в истории России: ее гармонизирующую роль в мире в первой половине XIX в. после разгрома Наполеона, роль СССР в избавлении от фашизма и ликвидации мировой ко-

лониальной системы, в реальной помощи развивающимся и отсталым народам. Это и есть прообраз того братства народов, которое составляет одну из главных особенностей русской идеи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что нужно сейчас для утверждения русской идеи? Здесь следует, учитывая два ее уровня, действовать по принципу двойного соответствия. Им определяется решение одновременно двух задач — сохранения национальных особенностей и адаптации к новым мировым реалиям. Первое обеспечивает духовное ядро русской идеи. Второе — соответствие современным тенденциям мирового развития, требующим сбережения населения, развития промышленности, высоких технологий, науки, военно-промышленного комплекса, сельского хозяйства и т. п., т. е. то национальное развитие, которым порой неоправданно ограничивается русская идея.

Итак: 1) русская идея существует по крайней мере с XI в. и состоит из двух уровней — национального и всемирного; 2) было две ее модификации — православная и коммунистическая; 3) сейчас, если не желать гибели страны, необходима третья модификация русской национальной идеи, диалектически связанная с двумя предыдущими, — духовно-социальный строй, в осмысление которого вносит свой вклад и концепция русского социализма Ф. М. Достоевского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белинский, В. Г. (1956) Полн. собр. соч. М. : Изд-во Академии наук СССР. Т. XII. Письма 1841–1848. 596 с.
- Белинский, В. Г. (1992) Россия до Петра Великого // Русская идея : антология / сост. М. А. Маслин. М. : Республика. 496 с. С. 73–90.
- Бердяев, Н. А. (1990) Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / отв. ред. Е. М. Чехарин. М. : Наука. 528 с. С. 43–271.
- Бердяев, Н. А. (1994) Миросозерцание Достоевского // Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры, искусства : в 2 т. / сост. Р. А. Гальцева. М. : Искусство. Т. 2. 510 с. С. 7–150.
- Данилевский, Н. Я. (1991) Россия и Европа. М. : Книга. 574 с.
- Достоевский, Ф. М. (1989) Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский, Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. Л. : Наука. Т. 4. 784 с. С. 388–451.
- Достоевский, Ф. М. (1994) Дневник писателя. 1876 г. // Достоевский, Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. СПб. : Наука. Т. 13. 542 с.
- Достоевский, Ф. М. (2007) Собр. соч. : в 9 т. М. : Астрель ; АСТ. Т. 9. Кн. 2. Дневник писателя. 523 с.
- Зеньковский, В. В. (1992) Ф. М. Достоевский, Владимир Соловьев, Н. А. Бердяев // Русская идея : антология / сост. М. А. Маслин М. : Республика. 496 с. С. 341–363.
- Ильин, И. А. (1993) О русской идее // Ильин, И. А. Собр. соч. : в 10 т. М. : Русская книга. Т. 2. Кн. 1. 496 с. С. 419–430.
- Панарин, А. С. (2006) Народ без элиты. М. : Алгоритм ; Эксмо. 352 с.
- Соловьев, В. С. (1989) Русская идея // Соловьев, В. С. Соч. : в 2 т. М. : Правда. Т. 2. 736 с. С. 219–246.
- Сорокин, П. А. (1990) Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / отв. ред. Е. М. Чехарин. М. : Наука. 528 с. С. 463–489.
- Тойнби, А. (2006) Место России в истории // Геополитика: классика и современность : хрестоматия / сост. В. И. Буренко, А. А. Королев. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 395 с. С. 140–157.

Ф. М. Достоевский об искусстве (1973) / сост. В. А. Богданов. М. : Искусство. 632 с.
Шубарт, В. (2003) Европа и душа Востока. М. : Эксмо. 480 с.

Дата поступления: 21.12.2016 г.

F. M. DOSTOEVSKY: THE RUSSIAN IDEA
AND THE RUSSIAN SOCIALISM
A. A. GORELOV

THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

In article deals with the notion “Russian idea” introduced by F. M. Dostoevsky and the meaning of his reflections on the Russian socialism. The Russian idea as a union of fraternization should have overcome, according to Dostoevsky, the gap between the strata of ordinary and educated people and ensure social harmony. But it also had a global historic meaning as a non-violent way of unifying people all over the world on the basis of the Russian socialism as a unity of all nations in Christ.

Dostoevsky opposed the Russian socialism to the French Utopian socialism, atheistic and despotic, appearing on the basis of ideas of the Great French revolution, on the one hand, and to the German Protestant socialism, which he united with the French socialism under the common name of the European socialism, on the other. There is an analogy between the development of the Russian idea and the events of Dostoevsky’s life. Orthodoxy as the first modification of the Russian idea was also the starting point for personality development of Dostoevsky himself. The writer’s passion in his youth for the Utopian socialism corresponded to the second modification of the Russian idea.

Later on, reflecting on the future of Russia, Dostoevsky could form his own spiritual synthesis which overcame his inner dualism — the connection between Orthodoxy and socialistic ideas, which he called the Russian socialism. The writer considered it to be the best form of the development of the civilization in Russia and in the world.

Keywords: F. M. Dostoevsky; Russian idea; Russian socialism; European socialism; Russian revolution; Russian civilization

REFERENCES

- Belinskii, V. G. (1956) *Poln. sobr. soch.* Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR. Vol. XII. Pis'ma 1841–1848. 596 p. (In Russ.).
- Belinskii, V. G. (1992) Rossiia do Petra Velikogo. In: *Russkaia ideia*: antologija, comp. M. A. Maslin. Moscow, Respublika. 496 p. Pp. 73–90. (In Russ.).
- Berdiaev, N. A. (1990) Russkaia ideia. Osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala KhKh veka. In: *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofy russkogo posleoktiabr'skogo zarubezh'ia*, ed. E. M. Chekharin. Moscow, Nauka. 528 p. Pp. 43–271. (In Russ.).
- Berdiaev, N. A. (1994) Mirosozertsanie Dostoevskogo. In: Berdiaev, N. A. *Filosofia tvorcestva, kul'tury, iskusstva*: in 2 vol., comp. R. A. Gal'tseva. Moscow, Iskusstvo. Vol. 2. 510 p. Pp. 7–150. (In Russ.).
- Danilevskii, N. Ia. (1991) *Rossia i Evropa*. Moscow, Kniga. 574 p. (In Russ.).
- Dostoevskii, F. M. (1989) Zimnie zametki o letnikh vpechatleniakh. In: Dostoevskii, F. M. *Sobr. soch.*: in 15 vol. Leningrad, Nauka. Vol. 4. 784 p. Pp. 388–451. (In Russ.).
- Dostoevskii, F. M. (1994) Dnevnik pisatelja. 1876 g. In: Dostoevskii, F. M. *Sobr. soch.*: in 15 vol. St. Petersburg, Nauka. Vol. 13. 542 p. (In Russ.).
- Dostoevskii, F. M. (2007) *Sobr. soch.*: in 9 vol. Moscow, Astrel' ; AST. Vol. 9. B. 2. Dnevnik pisatelja. 523 p. (In Russ.).
- Zen'kovskii, V. V. (1992) F. M. Dostoevskii, Vladimir Solov'ev, N. A. Berdiaev. In: *Russkaia ideia*: antologija, comp. M. A. Maslin. Moscow, Respublika. 496 p. Pp. 341–363. (In Russ.).
- Il'in, I. A. (1993) O russkoi idee. In: Il'in, I. A. *Sobr. soch.*: in 10 vol. Moscow, Russkaia kniga. Vol. 2. B. 1. 496 p. Pp. 419–430. (In Russ.).
- Panarin, A. S. (2006) *Narod bez elity*. Moscow, Algoritm ; Eksmo. 352 p. (In Russ.).

Solov'ev, V. S. (1989) Russkaia idea. In: Solov'ev, V. S. *Soch.* : in 2 vol. Moscow, Pravda. Vol. 2. 736 p. Pp. 219–246. (In Russ.).

Sorokin, P. A. (1990) Osnovnye cherty russkoi natsii v dvadtsatom stoletii. In: *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktiabr'skogo zarubezh'ia*, ed. E. M. Chekharin. Moscow, Nauka. 528 p. Pp. 463–489. (In Russ.).

Toinbi, A. (2006) Mesto Rossii v istorii. In: *Geopolitika: klassika i sovremennost' : kbrestomatiya*, comp. V. I. Burenko and A. A. Korolev. Moscow, Izd-vo Nats. in-ta biznesa. 395 p. Pp. 140–157. (In Russ.).

F. M. Dostoevskii ob iskusstve (1973), comp. V. A. Bogdanov. Moscow, Iskusstvo. 632 p. (In Russ.).

Shubart, V. (2003) *Evropa i dusha Vostoka*. Moscow, Eksmo. 480 p. (In Russ.).

Submission date: 21.12.2016.

Горелов Анатолий Алексеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12. Тел.: +7 (495) 697-91-28. Эл. адрес: evolepis@iph.ras.ru

Gorelov Anatoly Alekseevich, Doctor of Philosophy, chief research scientist, The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12 Goncharnaya st., 109240 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 697-91-28. E-mail: evolepis@iph.ras.ru